

— Нельзя. Это моё. То, что Лу И дал ему, нельзя было отдавать никому.

Лу Чан внимательно наблюдал за выражением его лица, слегка нахмутив брови, в сердце зародилось странное чувство. Щёки Чжоу Хуайцзина зарумянились, словно красная слива на фоне зимнего снега, добавляя ему трогательной красоты. Это вовсе не выглядело как проявление гнева.

Пять дней в неделю Чжоу Хуайцзин получал от Лу И по одному носовому платку.

Вечером в пятницу он разложил платки на письменном столе, каждому дал имя: А-да, А-эр, Сяо-сань, Сяо-сы, Сяо-у. Теперь он расставлял их в ряд.

Завтра днём он должен был отправиться в дом Лу И, и Чжоу Хуайцзин, с румяными щеками, облизнул пересохшие губы.

Лицо Лу И он видел только в игре, и не знал, было ли оно настоящим. Фотографии в газетах и журналах были слишком размыты, и рассмотреть их толком не удавалось.

В прошлой жизни он не видел лицо этого человека целых десять лет, и тогда он думал: «Как было бы хорошо увидеть его своими глазами. Лучше бы Лу И был старым и уродливым, чтобы никто не хотел его, и тогда не было бы соперников».

Он искал информацию о Лу И в интернете, но так и не понял, уродлив ли он, но похоже, что он действительно немного староват.

Чжоу Хуайцзин с радостью погладил платки, его мысли уже нетерпеливо устремились к завтрашнему дню.

Из-за того, что каждый день в обед Лу И кормил его слишком обильно, Чжоу Хуайцзин дома ел совсем немного.

Дворецкий с грустью заметил, что второй молодой господин даже не притронулся к пирожному, и казалось, что он становится всё худее.

Госпожа Чжоу тоже заметила, что в последнее время Чжоу Хуайцзин выглядит неважно. На самом деле он просто переел, и из-за слишком разнообразной еды дважды вставал ночью с расстройством желудка.

Раньше Чжоу Хуайцзин питался просто, и у Лу И не было опыта, чтобы понять, что не у всех желудок такой крепкий, как у него. Он просто хотел, чтобы его маленькое сокровище получило всё самое лучшее, и в результате у малыша случился острый гастроэнтерит, и его срочно отвезли в больницу.

— Даже если вы очень любите своего ребёнка, нельзя кормить его чем попало, разве вы не видите, что он уже обессилел?

Родители Чжоу Хуайцзина были заняты, поэтому Чжоу Хуайсю на полной скорости отвёз младшего брата в больницу, и теперь высокий парень молча выслушивал наставления врача.

Чжоу Хуайцзин слабо лежал на больничной койке, подключённый к капельнице, и, услышав, как врач ругает брата, почувствовал себя виноватым, потянув за белый халат.

Врач почувствовал, как его рукав дёрнулся, и, наклонившись, увидел красивое, но слабое лицо

юноши, с капельками пота на висках, которое робко просило:

— Не ругайте брата.

У врача защемило сердце, и он мягко сказал:

— Хорошо, ты отдыхай.

Чжоу Хуайсю погладил мягкие волосы брата, вытирая пот со лба:

— Тебе очень больно? Это всё я виноват.

Чжоу Хуайцзин ответил:

— Брат, не вини себя, и мне не будет больно. Это я виноват.

— Хорошо, брат отдохнёт, и Хуайцзин тоже отдохнёт, — Чжоу Хуайсю приглушил свет.

Перед уходом врач украдкой взглянул на Чжоу Хуайсю, такого крупного парня, которого ещё и младший брат утешает.

Думая о том, что завтра он увидит Чжоу Хуайцзина, второй господин Лу не мог уснуть. Он ворочался всю ночь и встал в четыре-пять утра, чтобы умыться.

Лу И, стоя перед зеркалом, сбрил щетину, привёл лицо в порядок, провёл рукой по почти полностью выбритому затылку. Волосы не требовали укладки, но одежду всё же нужно было выбрать. Лу И всегда был самовлюблённым, и обычно выбирал одежду из шкафа наугад, но сегодня он впервые задумался о своём образе.

Впечатление, которое он произведёт на его маленькое сокровище, должно быть хорошим и запоминающимся. Костюм был слишком строгим, а повседневная одежда не отражала его вкуса, поэтому он вытащил из шкафа чёрный костюм с золотой вышивкой в стиле тан, что сразу добавило ему благородства и изящества.

Когда второй господин Лу спустился вниз, слуги замерли, поражённые его видом, и поспешно опустили глаза, не смея смотреть дольше. Второй господин был величественным, мужественным, необычайно привлекательным и совершенно очаровательным, но улыбка на его лице... была просто слишком вызывающей и дерзкой.

Чжан Цимин уже ждал его. Рано утром он получил звонок от человека, который тайно «охранял» Чжоу Хуайцзина, сообщившего, что второй молодой господин Чжоу попал в больницу. Чжан Цимин тут же проснулся и поспешил в главное здание, но не решился беспокоить второго господина, поэтому остался ждать в гостиной. Он думал, что придётся ждать до семи утра, но сейчас было всего пять тридцать, а второй господин уже был в костюме, что говорило о его нетерпении встретить семью Чжоу.

Чжан Цимин, преодолевая напряжение, объявил печальную новость, словно произносил собственные похороны:

— Второй господин, второй молодой господин Чжоу ночью попал в больницу с острым гастроэнтеритом.

Улыбка на лице Лу И исчезла с такой скоростью, что это было видно невооружённым глазом, и лицо его омрачилось:

— Семья Чжоу действительно не умеет заботиться о людях.

Чжан Цимин с трудом сохранял улыбку, чуть ли не оправдываясь за семью Чжоу, и тихо намекнул:

— Креветки и крабы холодны по природе...

Лу И промолчал.

— С завтрашнего дня на столе каждый день должны быть креветки и крабы.

Чжан Цимин опешил.

Лу И не стал объяснять его замешательство, спокойно сказав:

— Подготовьте машину.

Чжан Цимин не понимал, но и не спрашивал, он просто делал то, что говорил второй господин, и тут же распорядился подготовить машину.

Чжоу Хуайцзин проснулся около восьми утра, боль в желудке уже утихла, но Чжоу Хуайсю всё ещё выглядел напряжённым.

Врач зашёл, чтобы подключить его к капельнице, утешил его, чтобы он отдыхал, и дал ему две фруктовые конфеты.

Чжоу Хуайцзин одну взял себе, а другую отдал брату. Конфета растворилась во рту, распространяя сладкий фруктовый аромат.

— Сегодня ты плохо себя чувствуешь, поэтому поездку в семью Лу отложим, брат будет с тобой в больнице, — с первых же слов Чжоу Хуайсю принёс младшему брату печальную новость.

Чжоу Хуайцзин замер, сказав:

— Брат, мне не больно.

Чжоу Хуайсю с любовью погладил лоб младшего брата, отодвинув пряди волос:

— Не обманывай брата, я знаю, что тебе плохо. Я знаю, что ты просто не хочешь меня беспокоить.

Чжоу Хуайцзин мысленно застонал: совсем нет! Он хотел увидеть Лу И!

Но Чжоу Хуайцзин не знал, как объяснить брату ситуацию с Лу И. Неужели он скажет, что Лу И его похитил и заставил прогулять уроки?

Чжоу Хуайсю, видя, как лицо младшего брата искажается от мук и бледнеет, ещё больше проникся к нему жалостью. Он давно обещал себе, что больше не позволит младшему брату страдать и терпеть обиды, но не ожидал, что его невнимательность приведёт к тому, что брат окажется в больнице.

Чжоу Хуайцзин погладил непослушный живот, думая: «Почему он заболел именно сейчас, а не

раньше или позже?»

Дворецкий, который приехал в больницу прошлой ночью, утром вернулся домой, чтобы собрать вещи, которые нужно было привезти. Врач посоветовал Чжоу Хуайцзину остаться в больнице ещё на один день для наблюдения, и Чжоу Хуайсю решил организовать для младшего брата полное медицинское обследование.

Господин и госпожа Чжоу получили известие и сейчас были в самолёте, скоро прибудут.

В палате было тихо и пусто, Чжоу Хуайсю включил телевизор, чтобы брат мог посмотреть, а сам вышел в коридор, чтобы позвонить по делам компании.

Чжоу Хуайсю думал, что это займёт всего несколько минут, но важный клиент оказался занят завтра и хотел перенести встречу на сегодня. Чжоу Хуайсю, подумав, решил, что ему придётся уйти.

— Хуайцзин, брату нужно ненадолго уйти, если тебе станет плохо, нажми кнопку вызова медсестры, скоро придёт дворецкий, — Чжоу Хуайсю, не переставая, беспокоился.

Чжоу Хуайцзин моргнул яркими глазами и кивнул.

Они попрощались, Чжоу Хуайсю тихо закрыл дверь, сделал несколько шагов, но всё же не успокоился, и попросил на стойке медсестру посидеть у палаты, чтобы следить за состоянием Чжоу Хуайцзина и быть готовой помочь, если что-то случится.

Чжоу Хуайцзин полусидел на кровати, смотря телевизор, одна рука была подключена к капельнице, а другой он держал пульт.

В это время ничего интересного не шло, и он не особо любил смотреть телевизор, поэтому бесцельно переключал каналы, пока не положил пульт.

Эх, думая о том, что он не сможет увидеть Лу И, Чжоу Хуайцзин почувствовал себя совершенно подавленным. Если бы у него были кошачьи уши, они бы сейчас печально опустились.

Обычно в это время по субботам Чжоу Хуайцзин ходил с дворецким на рынок за продуктами, иногда получая маленькие угощения от продавцов. Теперь он не мог увидеть Лу И, не было угощений, и он остался один на один с телевизором, чувствуя себя одиноким.

Он так расстроился, что начал пить воду из стакана, словно пытаясь выпить всю свою печаль.

И тут ему захотелось в туалет...

Чжоу Хуайцзин посмотрел на капельницу, затем на свою руку, встал с кровати, надел тапочки и, держа бутылку с капельницей в руке, направился в туалет, только чтобы обнаружить, что крючок для подвешивания бутылки сломан.

Он уже собирался вернуться за подставкой, как услышал за собой ряд размеренных шагов, словно туфли стучали по холодному мраморному полу, неся с собой грозную атмосферу.